ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ НА СЕВЕРЕ КАРЕЛИИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПАСТЫРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX-НАЧАЛО XX В.)

Пулькин Максим Викторович

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Аннотация

Исследование посвящено проблемам адаптации институтов православной церкви (приходов и братств) к этнокультурным особенностям территории, населенной карелами. Выявлено, что основными направлениями деятельности духовенства стало исполнение церковных треб и борьба против старообрядческого влияния. Неудачи в деятельности приходского духовенства связаны со слабой адаптацией к этнокультурной специфике паствы.

Ключевые

слова: духовенство, карелы, Крестьяне, православие, прихожане, религи я, церкви, церковь, этнос

ORTHODOX PARISHES IN NORTH KARELIA: ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS OF PASTORAL WORK (SECOND HALF OF XIX- BEGINNING OF XX CENTURY)

Pulkin Maxim Viktorovich Institute of linguistic, history and literature of Karelian Research Centre

Abstract

Research is devoted to the problems of adapting institutions of the Orthodox Church (Parish and fraternities) to ethno-cultural peculiarities of the territory inhabited by Karelians. Revealed that the main activities of the clergy was the performance of religious services and to fight against the influence of the Old Believers. Failures in the activities of the parish clergy associated with poor adapta-tion to the ethno-cultural specificity of the flock.

Keywords: culture, region

Рубрика: История

Библиографическая ссылка на статью: Пулькин М.В. Православные приходы на севере Карелии: этноконфессиональные аспекты пастырской деятельности (вторая половина XIX—начало XX в.) // Гуманитарные научные исследования.

Этнические проблемы, связанные с деятельностью православной церкви, закономерно остаются наиболее ОДНИМ ИЗ направлений религиоведческих исследований. Существенное внимание уделялось, в числе прочих, проблемам адаптации православной веры среди карелов [1, с. 107–125; 2, с. 123–131; 3, с. 97–102]. Здесь существуют как несомненные достижения, так и явные пробелы. К числу территорий, относительно слабо изученных историками, относятся приходы Кемского уезда, северной части Карелии, где население в этническом отношении оставалось наиболее однородным, этноконфессиональные проблемы стояли предельно остро. формирования приходской системы в Кемском подразделяется на три этапа. На первом этапе – в XVII-начале XVIII в. – возведены церкви в селениях, находящихся на побережье Белого моря. Строительство велось на средства Соловецкого монастыря. появились Кемский, Сумский, Керетский приходы [4, с. 112]. Миряне, проживающие на огромной территории, расположенной вдоль шведской границы, вынуждены были в этот период обращаться только к клиру основанного не позднее1597 г. Панозерского прихода [5, с. 261]. Такая форма организации церковной жизни привела к полному устранению священно- и церковнослужителей из повседневной жизни крестьян, сохранению устойчивых языческих верований и, в дальнейшем, распространению влияния старообрядчества [6, с. 187–193].

После секуляризации церковных вотчин процесс формирования приходской системы замедлился. В этот период — в1768 г. — возник только Вокнаволоцкий приход с церковью, построенной на средства прихожан [7, с. 161]. Отсутствие сведений об образовании в этот период новых приходов вполне закономерно. С одной стороны, экономическая мощь Соловецкого монастыря явно ослабла. С другой — казенные средства на возведение храмов в этот период, как правило, не тратились. На территории так называемых «корельских приходов» — примыкающей к Финляндии части Кемского уезда — не сформировались приходские традиции строительства храмов за счет «мирских средств» и частных пожертвований местных крестьян. И то, и другое оставалось основным источником средств для строительства храмов на примыкающей к «корельским приходам» части Олонецкой епархии [8, с. 38].

Новый всплеск строительства связан с привлечением средств петербургских купцов. Часть расходов, связанных с возведением храмов, а также жалованье причту оплачены казной. В 1840-х гг. возникли Кестенгский, Ковдский, Маслозерский, Тунгудский, Ухтинский, Юшкозерский приходы [9, с. 14–21]. В1890 г. по распоряжению

императора «было сделано существенное для оживления северной окраины России» [10, с. 387]. В частности, образовались Кондокский, Войницкий, Олангский, Тихтозерский приходы [9, с. 24–45]. Сохранились сведения о финансировании строительства храмов в 13-ти приходах. Из них в 7-ми церкви построены на средства петербургских купцов. Четыре храма возведены по распоряжению Синода за казенный счет. Две церкви – в Колежемском и Ковдском приходах – построены прихожанами самостоятельно. Для желающих посвятить себя делу служения церкви лиц с богословским образованием и знающих карельский язык устанавливалось повышенное денежное содержание и производилась компенсация стоимости разъездов по приходу.

Итак, сам процесс создания приходов в Кемском уезде весьма специфичен и по времени образования конфессиональных общин, и по источникам финансирования строительства церквей. Немаловажную роль здесь сыграла низкая плотность населения и относительная бедность местных жителей. Кроме того, прихожане не обнаруживали большого желания обзаводиться храмами. Священник Олангского прихода с горечью писал в1900 г., что прихожане, «зараженные расколом, радовались пожару церкви, полагая, что нового храма не будет» [11, с. 172]. Построив церковь, благодетели нередко оставляли её на произвол судьбы. Даже в Вокнаволоке, достаточно крупном по местным масштабам населенном пункте, по данным описания прихода, составленного в1898 г., «маленькая, с погнившей крышей, покосившейся главой. В храме теснота достигает, казалось, своего предела, а холод повсюду напоминает заброшенную часовню. Напрасно искать здесь чеголибо похожего на иконостас: его нет в Вокнаволоцком храме. Вместо иконостаса какой-то разрозненный, бьющий этой нескладностью в глаза ряд старых икон. Велика также скудость обстановки: в храме одно только очень ветхое Евангелие, одно медное кадило». Сходная картина наблюдалась и в Юшкозере. При освящении в1892 г. церкви оказалось, «церковной утвари ризницы недостаточно». богослужебных книг некоторые выдавались своей ветхостью: Евангелие1548 г., Постная Триодь1590 г., Цветная Триодь1620 г. [12, с. 143]. Столь большая коллекция древних книг возникла отнюдь не из старине. По ветхим и несоответствующим послениконовской церкви книгам надлежало вести богослужение.

храмов состояние приходских не добавляло православию. Многие крестьяне-карелы не могли посещать храм из-за огромных расстояний, разделяющих церковь и приходские селения. Клир был вынужден путешествовать по приходу, совершая, иногда со значительным опозданием, религиозные обряды. Причт Кондокского прихода за год совершил поездки в 2400 верст [13, с. 554]. Однако духовенства приходе положение В ЭТОМ было относительно благополучным. Священно- и церковнослужители по крайней мере могли избежать небезопасных путешествий по рекам и озерам. При этом

плата, получаемая ежемесячно клиром из казенных сумм, к началу XX в. стала ничтожной. Первые данные по этому вопросу датированы 1909 г., когда в епархиальной печати появились сведения об имущественном духовенства «корельских приходов». Войницкого, Тихтозерского, Логовароцкого приходов получали казенное содержание по 600 рублей в год, причетники – по 400 рублей. Доход за исполнение треб составлял от 120 до 150 рублей в год на весь клир. Все «корельские» причты были обеспечены земельными участками по 150 десятин каждом. Ho существенных выгод церковнослужители не извлекли. В большинстве приходов были отведены неудобные для земледелия или слишком удаленные наделы Например, причту Кестенгского 14, прихода землеустроительных мероприятий 1883, 1887 и 1896 гг. было отведено 155 десятин земли, но «из этого числа причт пользуется только 6 десятинами, остальное же количество земли негодно к употреблению» [15, л. 68].

специфической проблемой, осложняющей Другой обстановку В приходах», стал языковой барьер. «корельских Свяшенно-И церковнослужители, за небольшими исключениями, не знали карельского языка. Эта проблема была замечена властями в конце XVIII в.: в1803 г. Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры на «карельский и олонецкий языки» [16, л. 76]. Однако главная проблема – подготовка церковников, проповедующих на языке местного населения, оказалась невыполнимой. Церковные службы и требы совершались на русском языке. Священники прибегали к помощи переводчика даже в «пустяшных делах» [17, с. 655]. В то же время, судя по неоднократным упоминаниям в епархиальной печати, половина местных мужчин и большая часть женщин не знали карельского языка [18, с. 165]. Исправить ситуацию, по мнению епархиального начальства, должны были церковно-приходские школы. Предполагалось, что в этих заведениях карелы будут обучаться русскому ознакомятся с основами православия. В дальнейшем по воскресеньям и праздничным дням они будут совершать в деревнях те богослужения, которые дозволены мирянам. Кроме того, в нехватке приходских школ виделась основная причина распространения «раскола». В1862 г. в журнале Архангельской духовной консистории отмечалось, что «раскол <...> ныне держится от недостатка церквей и особенно от крайнего недостатка училищ для детей» [19, л. 1]. Соответствующие меры вскоре были приняты. Первая церковно-приходская школа основана в1859 г. при Юшкозерской церкви [20, с. 144]. Затем – в 1880-90-х гг. образовались церковно-приходские школы в Тунгудском, Маслозерском, Кондокском, Вокнаволоцком, Войницком, Ухтинском, Панозерском, Логовароцком, Олангском, Кестенгском приходах [9, с. 21].

Новоявленные школы сразу столкнулись с недостатком помещений, мебели, учебников. В Тунгудском приходе школа размещалась в здании

волостного правления, в Вокнаволоцком – на квартире священника, в Логовароцком – в причтовом доме. Преподавателями чаще всего становились священники. Характерна судьба церковно-приходской школы в Олангском приходе. На первых порах школу приютил волостной старшина. Он уступил одну небольшую комнату до собрания волостного схода, который должен был окончательно решить вопрос об отводе для школы квартиры. Тогда же наняли крестьянина, который изготовил несколько столов и скамеек. Вскоре школа была закрыта «вследствие крайнего нерасположения к ней местного населения и оттого недостатка учащихся в ней» [21, с. 481]. В Логовароцком приходе школа размещалась в причтовом доме. Она не располагала ничем, кроме «ничтожных средств наставника священника», который, к тому же, не получал жалованья за свой труд [22, с. 74]. Приведенные факты, как и ряд других, свидетельствуют, что деятельность приходских школ не увенчалась успехом. Сказывался языковой барьер. Школу не могли посещать ученики, живущие в отдаленных селениях. Иногда родители не отдавали детей по принципиальным соображениям [23, с. 164]. Сложившуюся ситуацию надлежало исправить. Для приобщения к православию взрослых прихожан в феврале1908 г. было создано православное Беломорско-Карельское Братство. Инициатором создания Братства стал Архангельский и Холмогорский архиепископ Иоанникий. Он пожертвовал в пользу новой церковной организации значительные средства и обязал монастыри епархии оказывать Братству финансовую поддержку. Однако, как отмечалось в отчете Братства за первый год его ограниченность средств не позволила оказывать существования, денежную помощь на благолепие и необходимый ремонт в церквях Карелии, а также содействовать открытию новых школ и привлекать карелов к участию в деятельности Братства [24, с. 2]. К1910 г. руководители Братства констатировали, что «приходской храм, школа, нужды благотворительности и т.п. все еще являются для местного населения чем-то посторонним» [25, с. 687].

Неудивительно, что у крестьян, обитающих в «корельских приходах», своеобразное восприятие церковных таинств. Ухтинского прихода, по свидетельству священника, соблюдали таинство брака только для того, чтобы дети были признаны законнорожденными [26, с. 167]. По данным опубликованной в1914 г. статьи о «внебрачности» в Карелии, карелы устраивают свадьбу без священника и живут так до самой смерти. Только в том случае, если причт «делает внушение», местные жители обращаются к священнослужителям с просьбой о венчании [27, с. 264]. Подобные традиции оказались довольно устойчивыми: в1908 г. священники отмечали, что «во всем обществе наблюдается незаконное брачное сожительство» [28, с. 13]. Прочие таинства исполнялись еще реже. Крещения в деревнях совершали «бабки», которые давали младенцу имя и выполняли примитивный обряд. Например, в1913 г. кестенгскому священнику при объезде 24 деревень прихода, пришлось «окрестить всех новорожденных младенцев

и миропомазать окрещенных бабками до 6-тилетнего возраста включительно» [29, с. 24]. Поскольку крещение было связано с регистрацией новорожденных, то отсутствие этого обряда приводило к парадоксальным ситуациям: в деревнях жили молодые люди, не записанные ни в какие книги [30, с. 423]. По данным церковно-исторического описания Подужемского прихода, крестьяне никогда не служили молебнов, не заказывали сорокаустов, обеден. Отпевание умерших и панихиды по ним, с точки зрения крестьян, «даже нежелательны». Местный священник в течение 16-ти лет служения в приходе совершил всего три заказных литургии [18, с. 165].

Отсутствие священников приводило к росту влияния старообрядчества. По меткому замечанию одного церковного публициста, карел «хотя шаток в православии, но крепок в расколе» [31, с. 26]. Влияние старообрядчества преобладало в расположенных близ беломорского побережья приходах. Его связывают с деятельностью выходцев из Соловецкого монастыря, которые после взятия «честной обители» правительственными войсками, разбрелись по всему Поморью [32, с. С. 394]. Центром старообрядческого движения стал Топозерский скит, Жители первые сведения о котором относятся к1770 г. поддерживали знакомство с богатыми раскольниками из разных мест, получали обильные пожертвования и могли в голодные прокормить сотни карелов. Скит стал первым «рассадником церковной грамотности в крае» [33, с. 123]. Сохранилось подробное описание Топозерского старообрядческого скита. Число постоянных жителей доходило до 300 человек. Они жили в 25-ти кельях, построенных около часовни. Скит был обнесен высокой деревянной оградой, ворота затворялись и отпирались привратником. Из домов и часовен устроены подземные ограду, дававшие возможность ходы за неблагонадежным «инокам» скрываться и избегать преследований в случае внезапного посещения скита начальством. Факт значительного влияния старообрядцев на карелов подтверждается свидетельствами современников. Сенатор Баранов, посетив в1838 г. Олонецкую губернию, указывал на следующие причины, способствующие «укоренению и распространению раскола»: «жители, не зная русского языка, остаются равнодушными к пастырским поучениям священников, тогда как раскольники, через частое с ними общение, подчинили их своему влиянию» [34, л. 41]. Другой причиной стали частые неурожаи. «Старообрядцы, пользуясь сими случаями и имея при монастырях большие запасы хлеба, благодетельствуют местным жителям и через то привлекают их в зависимость». Неудивительно, что и после того, как по ходатайству епископа Варлаама в1857 г. скит был упразднен, влияние раскольников оставалось значительным [35, л. 38].

Ситуация в южной части «корельских приходов» связана с исключительно важной ролью Финляндии в жизни карелов. Заработки на лесных заготовках в Суоми приносили до 2000 рублей в год [36, с. 74].

Имеются лишь единичные свидетельства о карелах-лютеранах [37, с. 666]. Но уход на многие месяцы из России оказывал существенное влияние на настроения карел. Крестьянин из Ухты рассказывал в 1896 г. священнику: «Так как почти каждый кореляк с малых лет и до глубокой старости большую часть жизни проводит в Финляндии, то он, позабывая всё русское, которого очень немного, превращается в финляндца. Весь образ жизни, привычки, взгляды кореляка, даже язык – все это становится финским. <...> Таким образом, большинство из них, хотя и православных, не соблюдает постов. Затем, хотя каждый кореляк крестится по обрядам православной веры». Однако она ему «становится положительно непонятной, так как проповедуется на совсем непонятном для кореляка русском языке» [37, 667]. Влияние протестантства проявилось «корельских приходах» деятельности В «ушковайзет». Впервые деятельность секты «ушковайзет» проявилась в Ухтинском приходе в 70-х гг. XIX в. Первыми последователями секты стали крестьяне, имевшие торговые дела в Швеции, Финляндии и Норвегии. Поскольку, в соответствии с воззрениями сектантов, право проповедовать, подобно апостолам, имеют все верующие, то и сектанты стали распространять учение среди односельчан. Основная часть проповедей сектантов состояла в призывах не пьянствовать, не драться, не лениться и поклоняться Богу «душевно». Собственно религиозные темы при этом как бы отступали на задний план. Проповеди такого рода, сопровождаемые негативными примерами из жизни «вилли криститту» – противников секты «ушковайзет» – находили поддержку у многих прихожан и создавали благодатную почву для распространения влияния секты.

Появление новой секты не могло не обратить на себя внимание духовных и гражданских властей. В1879 г. началось следственное дело. В1882 г. учения секты «ушковайзет» распространители привлечены к суду за создание секты, а рядовые члены – 19 человек – за принадлежность к ней. На суде «ушковайзет» показали, что они действительно прежде посещали собрания сектантов, но теперь согласны оставить секту. На этом основании Палата уголовных и гражданских дел освободила их от всякой ответственности. Что касается руководителей секты, то они были признаны виновными в отступлении от православия в «еретическую веру». На этом основании суд постановил отослать их к духовному начальству «для увещания и поступления с ними по правилам церковным». От обвинения в распространении идеологии секты они были освобождены. Секту признали не чем иным как лютеранским исповеданием, «с некоторыми лишь уклонениями оного». В целом судебный процесс завершился для сектантов вполне благоприятно. Их деятельность продолжалась. Но в то же время секта не получила решающего перевеса в численности сторонников по сравнению с православием даже в главном оплоте – Ухтинском приходе. По данным местного священника, в1893 г. численность «ушковайзет» составила 50 человек на 3 500 прихожан обоего пола. Однако в других местностях

(особенно в Вокнаволоцком приходе) также были сектанты, численность которых не поддавалась учету.

наставлений основателей секты существенную формировании идеологии «ушковайзет» приобрели некие «финские книжки». Они, как было известно местным священникам, читались на собраниях сектантов. О характере этой литературы местные священники, поголовно не знающие ни финского, ни карельского языка, судить не могли. Однако, со слов сектантов, они сообщали, что в большинстве было Евангелие, которое сектанты своеобразно. Основой воззрений сектантов было отрицательное православной церкви. Положительная, отношение К таинствам конструктивная программа на ранних этапах формирования секты не сложилась. Отказ веровать в святых угодников и Животворящий Крест обосновывался у «ушковайзет» тем, что этому не учат Новый и Ветхий Завет, запрещающий, как полагали сектанты, поклоняться предметам из дерева и металла. Аналогичной была аргументация ушковайзет и при отказе от соблюдения постов. Они полагали, что «входящее в уста не Противоречивость оскверняет человека». воззрений «ушковайзет» заключалась, в частности, в том, что, отвергая догматы православной церкви, они, в то же время, в отличие от многих прихожан, не принадлежащих к секте, непременно крестили в церкви своих совершали там браки по православному причащались. В то же время таинство священства было заменено чисто сектантским. Руководители секты становились духовными наставниками и главными своих единоверцев, проповедниками совершителями Наряду покаянием руководителями исповеди. перед практиковалось также публичная исповедь перед всей общиной «ушковайзет». Кающийся рассказывал о грехах и просил прощения. Согласие простить выражалось в объятии или возложении рук на плечи кающегося. Главной формой деятельности сектантов стали собрания. Учет их посещения, по-видимому, и обусловливал возможности выявления сектантов. Однако для многих такие собрания не означали сознательного разрыва с православием: ведь речь шла лишь о чтении финских богослужебных книг с переводом их на карельский язык. В то же время постоянное место для сбора сектантов отсутствовало, так же как и периодичность. Обыкновенно собрания проходили по субботам, воскресеньям и в праздничные дни. Такой выбор дней для совершения себе становился источником противоречий православной церковью: приверженец учения «ушковайзет» не мог посещать богослужение. Для подавляющего большинства членов секты «ушковайзет» даже столь ограниченный круг познаний о религиозных догматах, которых придерживались или которые отвергали их лидеры, был недоступен. Новые члены привлекались в секту преимущественно благодаря тому, что именно здесь они находили удовлетворение своим религиозным потребностям [38, с. 168].

Итак, мы видим, что ситуация в «корельских приходах», по сравнению с приходами других — соседних — уездов, была довольно специфичной. Массовое строительство храмов началось лишь в XIX в. Размеры приходов оставались огромными. Значительная часть населения не знала русского языка. Влияние староверов оставалось ощутимым. В целом карелы не проявляли равнодушия к религиозным вопросам. И собрания «ушковайзет», и молебны старообрядцев они посещали, стремясь больше узнать о «божественном». Причины равнодушия к православному вероучению заключались в недостатках пастырской деятельности самой православной церкви, не сумевшей приспособиться к ситуации и проигравшей поэтому в борьбе за умы и сердца.

Библиографический список

- 1. Π улькин M.B. Три облика русификации в Карелии // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
- 2. *Пулькин М.В.* Переводы Евангелия на карельский язык в XIX-начале XX в. // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 4 (22). С. 123–131.
- 3. *Пулькин М.В.* Приходская повседневность и карельские эпические песни // Труды Карельского научного центра Российской Академии наук. 2010. № 2. С. 97–102.
- 4. Кемский Успенский соборный приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №14. С. 112.
- 5. *Kirkinen H*. Venajan Karjala renessansiajalla (1478–1617).Helsinki, 1970. 438 s.
- 6. *Пулькин М.В.* Обеспечение белого духовенства в XVIII-начале XX в.: закон и традиция (по материалам Олонецкой епархии) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 187–193.
- 7. Вокнаволоцкий приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №11. С. 161.
- 8. *Пулькин М.В.* Возведение часовен в XVIII-начале XX в.: приходские традиции и законодательство (по материалам Олонецкой епархии) // Традиционная культура. 2005. № 4 (20). С. 36–42.
- 9. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1896. Вып. 3. С. 13–43.
- 10.Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб.,1901. С. 387.
- 11. Олангский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №13. С. 172.
- 12.Юшкозерский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №12. С. 143.
- 13. Кондокский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1909. №24. С. 554.
- 14.К вопросу об обеспечении духовенства казенным жалованьем // Архангельские епархиальные ведомости. 1909. №8. С. 85.

- 15. Ведомость о церквах Архангельской губернии, Кемского уезда, за1896 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 662, оп. 2, д. 1/1, л. 68, об.
- 16. Российский государственный исторический архив. Ф. 796, оп. 84, д.4, л. 76.
- 17. Лютеранский поход в Карелию // Архангельские епархиальные ведомости.1906. С. 655.
- 18.Подужемский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. №7. С. 165.
- 19. Журнал Архангельской духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 165, оп. 2, д. 9/117, л. 1.
- 20. Юшкозерский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №14. С. 144.
- 21.Олангская церковно-приходская школа Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. №23. С. 481.
- 22. Ведомость о церквах Архангельской губернии, Кемского уезда за1896 г. // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 662, оп. 2, д. 1/1, л. 74, об.
- 23. *Пулькин М.В.* Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX-начало XX в.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 163–176.
- 24. Отчет о первом годе деятельности Архангельского православного Беломорско-Карельского Братства во имя святого архангела Михаила // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. Приложение к №18. С. 1–2.
- 25. *С.М.* Из Кеми (корреспонденция) // Архангельские епархиальные ведомости. 1910. №11. С. 687.
- 26. Ухтинский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №6. С. 167.
- 27.Внебрачность в Карелии // Архангельские епархиальные ведомости. 1914. №8. С. 264.
- 28. Маслозерский приход Кемского уезда (из путевых впечатлений) // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. №2. С. 13.
- 29. Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола, старообрядчества и сектантства Архангельской епархии и о деятельности епархиальной миссии против раскола сектантства за 1913 год. Архангельск, 1913. 76 с.
- 30. Насущная духовная потребность Олангского прихода Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. №14. С. 423.
- 31. *Ручьев М*. О расколе в Карелии // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. N° 3. С. 26.
- 32. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные искания семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. 432 с.
- 33. Прушакевич И. Сказание о Топозерском ските // Архангельские епархиальные ведомости. 1868. № 8. С. 123–124.
- 34. Российский государственный исторический архив. Ф. 834, оп. 2, д.1666, л. 41.

- 35. Дело о доставлении сведений о раскольнических скитах // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 165, оп. 2, д. 7/74, л. 38.
- 36. *Пулькин М.В.* Негативный образ финнов в российской публицистике в конце XIX-начале XX в.: истоки, трансформации, политические последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2010. № 1 (9). С. 73–82.
- 37.Лютеранский поход в Карелию // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. №21. С. 666.
- 38. Ухтинский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. №9. С. 168–170.